

Природное, социальное, человеческое: природные мотивы у белорусских прозаиков начала XX в.

О. В. ГНИЛОМЕДОВА

С конца XIX – начала XX вв. начинается по существу новый этап мировой истории – эпоха монополистического капитализма, революций и войн, стремительного научно-технического прогресса, радикализации политических идей и активизации национально-освободительных движений.

Новые веяния не обошли стороной белорусов, способствовали активизации процесса пробуждения национального сознания, возвращения исторической памяти, духовному ренессансу.

В XX веке белорус опять решительно заявляет о своих человеческих правах, пробуждается его внутренний мир, в крае обновляются культурные традиции, активизируется журналистская и литературно-издательская деятельность. В начале XX века литературно-художественный процесс в Белоруссии развивается со все возрастающей интенсивностью. Определенных успехов достигает проза, выходя в передний ряд литературы, совершенствуется в литературном отношении само искусство повествования. Возрастает интерес писателей к внутренней жизни человека, его душе и поведению, нравственным аспектам личности, гуманизм и чувство ожившей истории. На страницах газеты “Наша ніва” белорусская проза совершенствовалась через очерк, мемуары, анекдоты, описание всевозможных происшествий и т.п., искала новые повествовательные структуры. В этих очерково-информационных, документальных материалах боролись человеческие страсти, добро и зло, благородство и пороки, – все то, от чего не отводила своих взоров литература.

Поколение поэтов и писателей (чаще всего непрофессиональных), что влилось в литературу в начале XX века, творчески продолжало духовно-эстетические традиции предшественников, но многое выглядело по-иному, звучало на новый лад, как в идейном, так и в художественном плане. В поисках достоверных средств передачи современной жизни писатели отказываются от одномерно приземленного изображения действительности и обращаются к символической, романтической или сатирической ее трактовке.

Одним из первых опытов белорусской прозы начала XX в. явился рассказ Тетки (Алоизы Пашкевич) “Клятва над кровавымі бороздамі”, напечатанный в газете “Наша доля” (1906), отражающий резкое обострение социальных противоречий в белорусском обществе. Оно начинается с довольно традиционной пейзажной зарисовки:

“Быў цёплы асенні дзень. Нівы ціха адпачывалі пасля летняй працы. Цёмны лес шаптаўся ў глыбокай задуме. Буслы тужліва ляцелі на вырай.

Гэтага дня, маркотны і згорблены пад хмараю невясёлых дум, ледзьве-ледзьве поўз стары Мацей у поле...

Бедната, адзіноцтва, сілы ўжо не тыя, – а рабі і рабі, працуй без канца... Мардасовічу – за лён, Бізуноўскаму – за пашу, а там і за бульбу плужы і плужы штодзень на адработках...”.

Природа в своей спокойной уравновешенности противопоставлена социальному положению доведенного до отчаяния человека, перед которым закрыты все дороги к лучшей доле. Но пейзаж в рассказе словно взрывается, а повествовательно-уравновешенный стиль рассказа резко меняется, когда автор переходит к описанию вешего сна Матея, сна, исполненного грозных революционных символов и предзнаменований. Сон контрастирует со спокойной, выдержанной в реалистическом ключе картиной природы, подчеркивая наступление новых времен, новой эпохи.

И сдается Матею, “што з цьмы народу выходзяць яго тры сыны: парабак дворны, салдат і работнік пецяярбургскі і становяцца на калені і прысягаюць громка, ясна, паволі:

– Мы дамо, мы – сіла, мы – права!"

В рассказе присутствует ясно выраженная аллегория революционного единства рабочих, крестьян и солдат в борьбе за землю и человеческие права, - все это обусловило новое звучание писательского слова. Важно подчеркнуть при этом, что утверждение социальной активности человека в белорусской литературе не отрывается от проблем гуманизма, что литература этого времени формировалась под воздействием идеи национального возрождения и защиты прав личности. Она уже не ограничивала себя задачами "народоведения", а шла вглубь народной жизни. А.М.Адамович в 70-е годы прошлого века писал: «Литература наша, как только она стала историческим и художественным фактом, сразу и полностью начала развиваться в «силовом поле» литературы мировой, к чему-то стремилась, от чего-то отталкивалась, создавая свой облик и придавая свою окраску общечеловеческой художественной культуре» [1, с. 18]. Это, несомненно, так. Главные темы писательского творчества: земля, революция, социальный вопрос, духовное пробуждение крестьянина, рост его национального самосознания. Как и в XIX веке, белорусская литература и теперь отличается своей исключительной близостью к крестьянской жизни, что, однако, не мешает постановке общечеловеческих проблем. Она стремится осмыслить человека в его связях с другими людьми, с природой, космосом.

С наступлением новых времен в ней не только угасает, но и усиливается интерес к положению и месту человека в мире природы, укрепляются позиции философско-пейзажной прозы, но в ней нет разрыва между личностью и природой. Это весьма заметно в творчестве ведущих прозаиков – Я.Коласа, М.Гарецкого, Ядвигина Ш., З.Бядули, В.Ластовского, Т.Гартного и др., сумевших поднять белорусскую прозу на небывалую раннее высоту, раскрывших ее богатые духовные возможности. Не только социальные, но и нравственные, духовные основы человеческого существования они соотносили с природным началом, позволявшим глубже заглянуть во внутренний мир человека.

Одним из основателей современной художественной белорусской прозы был Я.Колас (1882-1956), стремившийся воссоздать жизнь крестьянства с его повседневным бытом, заботами, тревогами, конфликтами и проводивший в своем творчестве идеи демократии и социального равенства. Мир природы – это и есть тот мир, в котором действуют его герои, общаясь и между собой, и с самой природой. И сам взгляд писателя на мир чем-то напоминал самодостаточность самой природы со свойственной ей естественностью и внутренней гармонией. В его произведениях высокого совершенства достигает мастерство пейзажа, формируются эмоционально-образные структуры, в которых отражается национально-психологический архетип взаимодействия человека и природы, ориентация на цикличность бытия, его повторяемость. Я.Колас – признанный песняр родной природы, ценитель ее тонкой красоты, но он не ограничивается исключительно эстетическим отношением к окружающей природе. Поэтический пейзаж у него – это не только «природный текст» (природа как «текст» в понимании современных постмодернистов), не только «слепок» с какого-то ландшафта или поры года – он обладает магической силой отражения внутреннего мира человека, его мыслей и чувств. Социальные проблемы хотя и преобладали у Коласа (как и во всей белорусской литературе), но его все больше интересует экзистенциальное. Природа у Коласа вызывает мысль о высоком предназначении человека, напоминает и о красоте, и о жестокости жизни, ее трагической стороне, что отражается и на человеке.

Таков рассказ «Василь Чурило» (1907). Его герой лесник Василь Чурило проводит свои труды и дни в привычной обстановке – в панском лесу. Пан лесничий – второй персонаж этого рассказа, он ненавистен Василию за то, что нещадно эксплуатирует лесника, «как дармовую лошадь». Третий персонаж романа – это сама природа: старый лес, метель, засыпавшая снегом дороги, глубокая ночь. Василь возвращается домой после очередного панского «нагоняя». Пейзаж, картины и состояния природы органично входят в образную систему колосовского произведения, являясь важным средством художественной выразительности. Природа, наделенная антропоморфическими свойствами, словно бы реализует невеселые размышления лесника.

“У тахт думак Васіля спяваў вецер у полі нікому не патрэбныя песні. Васіль так углыбіўся у свае думкі, што забыўся, дзе ён, куды ідзе”. Стихия природного явления со своей стороны как бы оттеняет, делает более достоверным акт погружения героя в общемировую трагическую мистерию. Смерть лесника наводит на мысль о равнодушии природы, ее безразличии к людям, она словно бы вбирает человека в себя, не замечая его гибели. Не правда ли, все это отчасти похоже на джек-лондонские ситуации в его «северных рассказах»? То же спокойствие и невозмутимость природы по отношению к тому, что имеет место в человеческом мире.

Нечто подобное происходит и в рассказе З.Бядули (1886-1941) «Маленькие дровосеки» (1912), в которых природа также проявляет свое равнодушие и жестокость к человеку, безразличная к тому, хороший он или плохой, не замечает его гибели, смерти, последних мгновений. Блудят и замерзают в снежном поле маленькие дровосеки Тишка и Халимон, так и не дойдя до дома.

“У поўнач усцішылася мяцеліца.

Вынырнуў з-за хмар чырвоны месяц. Вакол яго мігацеліся зоркі і пазіралі весела на белую зямлю.

Толькі на трэці дзень адкапалі замерзшых малых дравасакаў” [2, с. 469].

В своих произведениях (проза, поэзия) З.Бядуля постоянно обращается к темам природы, образы которой помогали этому большому художнику ярче, проникновеннее показать мир человеческих переживаний. Исследователь его творчества И.Я.Науменко склонен связывать стиливую манеру З.Бядули, особенно природоописательные страницы его творчества, с импрессионизмом: «Богатство, многообразие белорусской природы, с которой он связан был душой и сердцем, не дали ему погибнуть как писателю. «Все слилось в одно – и стога, и деревья, и простор». Это импрессионистическая живопись [4, с. 245]. С этим можно, пожалуй, согласиться. Во всяком случае художественная палитра З.Бядули была достаточно многоцветной и впечатляющей (о чем, кстати, свидетельствуют и «Маленькие дровосеки»), чтобы воссоздать богатство взаимоотношений человека и окружающей его действительности, что нашло отражение в лучших произведениях писателя.

Герою белорусской литературы этого времени органически присуще стремление увидеть окружающее и самого себя как нечто целое. Это стремление ощутимо в самых разных повествовательных жанрах. Так, в аллегории «Водопад» (1915) Я.Коласа проводится идея взаимосвязи и взаимообусловленности всего – природного и человеческого мира. “І ніхто няхай не забывае, што ён – частка вялікай прыроды” – подчеркивает автор. Аллегория «Водопад» по своим жанрово-стилевым приметам относится к тем произведениям притчевого характера, из которых составила книга «Сказка жизни». Ее Я.Колас писал в продолжение всей своей жизни. В поэтическом предисловии к этой книге есть такие строчки:

Не ў адным толькі сэрцы людзей
Іскра праўды гарыць –
Аб ёй песню пяе салавей,
Аб ёй рэчка журчыць.
Глубокая, поистине коласовская философия!

Глубоко и тонко чувствовал природу и другой классик белорусской литературы XX в. - М.Горецкий (1893-1938), который тоже, подобно Я. Коласу и другим белорусским писателям того времени, наново открывал свой край, землю, народ, открывал белорусский характер. Художественные подходы к этому характеру находим во многих рассказах и повестях писателя, написанных в 1910-20-е гг., в которых он создает образ своего современника – белорусского интеллигента, сформированного подъемом национального сознания в начале XX в. Особенно рельефно и убедительно выписан этот персонаж в повестях «В чем его обида?», «Меланхолия», «Две души» и др. Наиболее полно этот характер воплощен в образе Лявона Задумы, остро ощущающего разлад между возрожденческими идеалами и убогостью окружающей действительности. В известной мере понятна ему и «подоплека» данного противоречия – причины социально-экономического, политического и национально-правового порядка, которые были, к сожалению, весьма трудно преодолимы. Это – тип героя-медиатора,

стремящегося преодолеть отчужденность между «родными корнями» и оторванной от них «панской культурой», во многом чуждой национальной традиции, лишаящей человека нормального развития. Отсюда тоска, меланхоличность, отчаяние, овладевающее Лявоном. «Яму цяпер здавалася, што беларускае адраджэнне не мае пад сабою ніякага грунту, што ў “Нашай ніве” сядзяць сляпыя людзі, адарваныя ад жыцця, што нічога з гэтае беларускае мовы не будзе і быць не можа...” [3, 76] Само природно - “глухоманное” название деревни – Темнолесье - говорит о забитости, непросветленности ее обитателей, и эта деталь свидетельствует в пользу того, что М.Горецкий (как и другие белорусские писатели) далеко не идеализировали природное начало в человеческом бытии того времени. Темнолесье живет в сущности животной жизнью, “самотеком”, как сказал бы современник М.Горецкого А.Платонов. Не оказывая ни себе, ни другим, ни самой природе необходимой помощи.

Но от цепкого взгляда Горецкого-художника не укрывалось и движение жизни, приметы нового, изменения в укладе деревни, что внушало некоторый оптимизм, поддерживаемый и живым, одухотворенным восприятием окружающей природы. Из грязного города его тянет на сельский простор, ближе к природе: «И еще больше захотелось ему скорее выбраться из тесной улицы на вольный простор, скорее обрести то, что дарит поле: грустный покой, тишину и свежесть» [3, с. 85]. Пейзаж органически входит в образную систему произведений М.Горецкого, являясь важным средством художественной выразительности. Общение с природой дает герою возможность глубже заглянуть в свой внутренний мир. При этом окружающая природа часто воспринимается как нравственная и эстетическая мера, как критерий человеческого в человеке.

М.Богданович (1891-1917) с его сознательной установкой на «красу», ввел тему природы в своеобразный культ, без которого не может быть полноценной духовной жизни. Образы природы у него и у других поэтов и писателей не редко поднимаются до символических художественных обобщений. В поэзии и прозе этого периода не редко встречается образ василька как символ родного края, той тернистой дороги, которую прошел белорусский народ в своем стремлении к истине, красоте и гармонии. В лирической новелле «Васильки» (1911) Ядвигина Ш. (1868-1922) есть такие проникновенные строки:

«Васількі закрасавалі... Не, не закрасавалі!

Дзе ж ім цяпер красаваць? Холад. Зіма. Снег. Не закрасавалі васількі, гэта толькі перад вачамі мільганулі яны. Нават не перад вачамі, а так недзе: не то ў думках, не то ў душы ці сэрцы? Не ведаю дзе. Мільганулі васількі: васількі ў жыцце... неба, як васількі... як васількі, вочкі... міганулі васількі і... счэзлі!» [5, с. 32]

Этот скромный цветок, одухотворенный образ которого воссоздали Ядвигин Ш. и другие белорусские поэты и писатели, обладает способностью придавать силы, объединять на почве духовной близости.

Писатели национального возрождения широко обращаются к художественной символизации, аллегориям, «сказкам жизни» и другим жанрово-образным структурам, стремясь отобразить духовный подъем человека, ренессансное состояние его души. Расширяется, таким образом, эстетический инструментарий белорусской литературы, одной из отличительных особенностей которой уже в самом начале XX в. Является наличие наряду с реалистическим и романтическим направлениями также и неоромантических тенденций. В отдельных произведениях сочетается символистская условность с реалистическим проникновением в сущность общественных явлений, а неоромантические формы образности используются для воплощения национально-освободительных и революционных идей.

Таким образом, мир природного бытия издавна был близок белорусскому человеку, и это, как видим, не могло не отразиться в литературе, которая, стремясь глубже понять и отобразить человеческую личность, использовала для этого многообразные природные мотивы, существенно обогащая и дифференцируя арсенал художественно-изобразительных средств.

Abstract. The paper is devoted to the depiction of the Belarusian nature and its place in the literature of the beginning of the 20th century. It considers poetic forms and approaches in the depiction

of nature on the example of the works by J.Kolas, M.Goretskij, M.Bogdanovich. The Belarusian literature starts to open values of natural environment, provides its aesthetic sense and develops the poetics directed to the full comprehension of reality.

Літаратура

1. Адамовіч, А. Маштабнасць прозы: Урокі творчасці Кузьмы Чорнага / А.Адамовіч. – Мн., 1972.
2. Бядуля, З. Выбранае. Аповесці і апавяданні. /З.Бядуля. – Мн., 1973.
3. Гарэцкі, М. Збор твораў: у 4-х т. Т.2. / М.Гарэцкі. – Мн., 1985.
4. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя у чатырох тамах. Т. 1. – Мн., 1999.
5. Ядвігін Ш. Выбраныя творы. / Ядвігін Ш. – Мн., 1976.

Институт литературы имени Янки Купалы
Национальной академии наук Беларуси

Поступило 12.11.07

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ